

НЕ ДРОБИТЕ СИЛЬ ДУШИ.

В последнее время в дѣлѣ воспитанія, въ дѣлѣ боевой подготовки войскъ, проглядывала переоцѣнка количества приобрѣтенныхъ знаній, вообще переоцѣнка развитія лишь одной стороны души—ума¹⁾. Поэтому сознательно признавалось одно это умственное развитіе или, какъ привыкли называть его, образованіе.

Увлекаясь образованіемъ и отчасти самообразованіемъ²⁾, со-

1) Подобная переоцѣнка ума и знаній названа психологами *интеллектуализмомъ*.

2) Увлеченія самообразованіемъ исключительно рѣдки въ виду создавагося положенія, по которому самоучкѣ не предоставляется права, какъ бы онъ ни былъ ученъ и какія бы ни писалъ диссертациі, перестать считаться окончившимъ среднюю школу или «домашнее образованіе» и сравняться съ окончившими высшую школу. Хотя бы онъ былъ ученѣе Архимеда, Ньютона и др., онъ не имѣетъ права даже добиваться испытанія на знаніе курса высшей школы... Какъ будто не въ человѣческихъ силахъ, безъ официальныхъ профессоровъ, усвоить то, что читается и проходитъ въ высшихъ школахъ?

всѣмъ не интересовались не только удивительной способностью души—одновременно развиваться со всѣхъ сторонъ (т.-е. ума, воли, чувствъ), если только при развитіи ума это будетъ сознаваться, т.-е. будетъ сознательное отношеніе (къ одновременному съ процессомъ развитія ума) и къ процессамъ развитія воли и высшихъ чувствъ,—но не интересовались и вообще развитіемъ остальныхъ сторонъ души, кромѣ ума.

До сихъ поръ еще раздѣляется развитіе тѣла и развитіе души, какъ будто, напр., физическая гимнастика, но при участіи *сознанія*, т.-е. души, не есть въ то же время и работа ума, воли («произвольныя» движенія), чувствъ. Конечно, безъ участія сознанія движенія будутъ не «произвольными», а рефлексивными.

Теперь стала уже сознаваться односторонность развитія души, а именно—ума, и теперь начало обнаруживаться противоположное направленіе воспитанія и боевой подготовки войскъ, а именно—въ сторону развитія воли, т.-е. какъ будто начинается переоцѣнка воли ³⁾.

Послѣднее направленіе является естественнымъ послѣдствіемъ, естественной реакціей послѣ выяснивагося «*безволія*» не только въ общей массѣ современнаго поколѣнія, но какъ будто и у тѣхъ, кто по своему положенію и роду службы долженъ былъ бы выдѣляться особенной силой воли, какъ, напр., у военачальниковъ. Русско-японская война и послѣдующія за ней событія очертили это общее безволіе рѣзкими штрихами: никто твердо не держался *своего* направленія; своего—по убѣжденіямъ, на основаніи своего опыта, своей вѣры, своихъ идеаловъ. Никто не зналъ твердо—чего онъ хочетъ, чего добивается, и всматривался въ окружающихъ или же всматривался куда дуетъ вѣтеръ, чтобы по вѣтру распустить паруса и плыть туда, куда направляетъ общій голосъ. Не своей волею, а—толпы, чужой волею! И неудивительно потому, что, при общемъ слабоволіи или безволіи, человѣкъ съ такой необычайно сильной волей и опредѣленнымъ направленіемъ, рѣшительностью, какъ покойный Столыпинъ, казался буквально легендарнымъ героемъ....

Эпидемія самоубійствъ особенно подчеркнула безволіе современнаго поколѣнія, но этимъ же показала и противоядіе: воспитаніе сильной воли.

Этимъ противоядіемъ начинаютъ увлекаться, но къ сожалѣнію его разнo понимаютъ, и потому старанія добыть его малоуспѣшны или совсѣмъ безуспѣшны.

³⁾ Подобное направленіе переоцѣнки воли называется *волюнтаризмомъ*.

Переоцѣнку воли также, какъ и переоцѣнку ума, мнѣ кажется, всецѣло надо отнести къ незнанію (еще не совсѣмъ прочно установленнаго) факта—что воля есть разрядъ мысли, выстрѣлъ мысли, приведеніе мысли въ движеніе; очевидно отсюда, что воля безъ ума, да и умъ безъ воли, въ своемъ развитіи и особенно въ оцѣнкѣ по своему значенію, разсматриваться не могутъ: это корни и дерево, и предпочтеніе одного другому въ развитіи растенія—неосновательно.

Въ виду несознаваемости того факта, что воля всегда образуетъ квадратъ съ *умомъ* (съ умомъ, т.-е. съ собственными мыслями, а не съ зазубренными свѣдѣніями, еще неусвоенными органически), сила воли и смѣшиваемая съ силой воли рѣшительность характера или рѣшимость, не развивалась попутно съ развитіемъ ума соотвѣтствующими упражненіями; считалось, что, какъ будто въ силу долга, каждый обязанъ имѣть эту силу воли и рѣшительность характера, причемъ, при воспитаніи воиновъ и не воиновъ, никто даже не совѣтуетъ «поднять голову вверхъ», чтобы было видно—гдѣ эта сила воли и рѣшительность растутъ. И почему помогаютъ развивать одну сторону души (умъ), но не помогаютъ развивать другія (волю, чувства)?

Правда, еще Суворовъ говорилъ, что «солдату надлежитъ быть: храбру, рѣшиму, и т. д.» и хотя онъ не показывалъ—гдѣ растутъ храбрость, рѣшимость и пр., но за то онъ своей системой воспитанія прямо приводилъ къ храбрости, рѣшимости и пр., развивая одновременно всѣ стороны души подчиненныхъ.

Но въ наше время, послѣ краха казавшейся намъ непогрѣшимой системы воинскаго воспитанія и всей подготовки войскъ, послѣ краха не только военной, но и общей системы воспитанія, давшей въ результатъ общее безволіе, неопредѣленность и шаткость убѣжденій, желаній и побужденій, стали спрашивать себя: что есть рѣшительность?

Но, не отвѣтивши себѣ на эти вопросы, не изслѣдовавши даже—что къ чему относится и какъ влияетъ и чего намъ недостаетъ въ воспитаніи, давай кричать: «долгой знаніе, образованіе—вообще преимущественное развитіе ума и да здравствуетъ рѣшительность, воля!...

На первый взглядъ—какъ будто такъ и слѣдуетъ, но попробуемъ провѣрить правильность этого, какъ выводами психологіи, такъ и видимыми для всѣхъ фактами (послѣднее неизбѣжно въ отношеніи рѣшительности, психологами не изслѣдованной и даже

опредѣленіемъ почти не затронутой). Уже одно опредѣленіе воли можетъ показать правильный путь воспитанія и несостоятельность предположенія—будто воля и рѣшительность могутъ развиваться независимо отъ ума. Въ самомъ дѣлѣ, уже Спиноза говорилъ, что воля, подобно разуму, только состояніе мышленія.

Профессоръ Сѣченовъ говоритъ, что *«воля—это дѣятельная мысль или мысль въ фазѣ исполненія и дѣйствія»*⁴⁾.

«Воля есть конецъ тѣхъ самыхъ явленій, какія начинаются въ умѣ и познаніи: если въ познаніи энергія вступаетъ въ организмъ и накапливается въ формѣ потенциальныхъ запасовъ, то въ актахъ и состояніяхъ воли она должна перейти въ кинетическое состояніе...», говоритъ профессоръ Сикорскій и добавляетъ послѣ: *«давая умственное развитіе, мы иногда полагаемъ, что оно останется въ душѣ платонической или отвлеченной силой ума и не поведетъ за собою глубокой и часто неотразимой потребности дѣйствія...»*

Профессоръ Сикорскій находитъ, что самое общее и вѣрное опредѣленіе воли это—*«воля есть двигательная сторона души или сознанія»*, причѣмъ воля можетъ, однако, выражаться не только въ движеніи, но въ заготовкѣ движенія, или остается напряженіемъ, хотѣніемъ, желаніемъ, стремленіемъ.

Отчасти такъ понималъ волю и Шопенгауэръ, сказавшій, что воля есть хотѣніе, которое и управляетъ поступками человѣка.

Цигенъ говорилъ, что *«наши поступки составляютъ необходимое слѣдствіе ассоціаціи идей. Въ ассоціацію идей входитъ известное число ощущеній и образовъ воспоминаній и результатомъ ихъ взаимодействія является поступокъ безъ вмѣшательства какой-либо новой душевной дѣятельности. Особой силы воли—не существуетъ»*.

Намъ въ особенности важно сослаться здѣсь на Джемса, выяснившего, что воля никогда не бываетъ первичнымъ актомъ, а ей всегда предшествуютъ другія психическія состоянія (ощущенія, образы, воспоминанія).

Приведеннаго, мнѣ кажется, довольно для составленія элементарнаго понятія о волѣ. Значитъ образы, воспоминанія, ощущенія (эмотивные образы), соединяясь въ мысль, какъ бы образуютъ зарядъ, накапливаютъ энергію; мысль по накопленіи энергіи переходитъ въ хотѣніе. Выборъ того или другого хотѣнія, въ зависимо-

⁴⁾ Проф. Сикорскій.

сти отъ его силы и цѣнности, задача *рѣшимости* (рѣшеніе). Приведеніе же выбраннаго хотѣнія въ движеніе, т.-е. расходование силъ, заряда накопленной энергіи, и будетъ функціей воли. Но начало этой функціи даетъ возбудитель—чувство или умъ. Очевидно, что и выборъ, взвѣшивание «хотѣній», т.-е. рѣшимость, есть тоже функція ума.

Итакъ, нѣтъ мысли—не будетъ и воли, и въ этомъ случаѣ даже, такъ называемыя, движенія будутъ только рефлексамъ.

Слѣдовательно, существенное отличіе воли отъ рефлекса—это *сознаніе* произвольности поступка. «*Я такъ дѣлаю потому, что я такъ хочу, потому, что я такъ рѣшилъ на основаніи того-то и того-то*».

Сознаніе это, т.-е. сознаніе воли, вообще сознаніе своего «я», и есть та душа, которой нѣтъ у животныхъ, а присуща она только существу съ высшимъ развитіемъ.

Опредѣленіе воли, какъ *мысли въ фазѣ исполненія и дѣйствія* (проф. Сѣченовъ), дѣлаетъ вполне понятнымъ афоризмъ Наполеона I, что у полководца квадратъ ума и воли долженъ равняться единицѣ. Т.-е. чтобы и мысль или умъ (или замыселъ), и фаза ея исполненія, т.-е. воля, не уступали бы по силѣ другъ другу. Сила замысла \times на силу исполненія или на силу приведенія въ исполненіе его = 1.

Какъ просто и какъ гениально, какъ истинно это Наполеоновское опредѣленіе, и тѣмъ не менѣе очень большіе умы до сихъ поръ пытаются объяснить, что въ этомъ дважды-два тотъ или другой множитель будто бы имѣетъ большее значеніе, чѣмъ другой. Даже великій нашъ учитель, покойный Драгомировъ, говорилъ, что военное дѣло «болѣе волевое, чѣмъ умовое...» Но изъ предыдущаго ясно, что мыслей, т.-е. ума, не можетъ быть меньше, чѣмъ воли; сила замысла не можетъ быть слабѣе силы исполненія.

Впрочемъ, въ свое время Драгомировъ былъ правъ, такъ какъ въ его время незамѣтно было, чтобы приобретаемыя изъ учебниковъ знанія или даваемое умственное развитіе оказывались не только «отвлеченной силой ума и повели за собою (какъ говорить проф. Сикорскій) глубокую и часто неотразимую потребность дѣйствія». Но я полагаю, что всѣ академисты и самообразовывающіеся вспомнятъ, какъ спеціальное умственное развитіе вело за собою потребность дѣйствія. Вспомнятъ и то, какъ умственное развитіе требовало работы, *вниманія*, которое относится къ волѣ и *упражняетъ* ее.

Остается сказать нѣсколько словъ о рѣшительности или рѣшимости ⁵⁾, которую иные относятъ къ работѣ воли и даже отождествляютъ съ волей.

Не будемъ доказывать правильность или неправильность этого мнѣнія, а просто разберемъ нѣсколько фактовъ. Подъ рѣшимостью мы понимаемъ способность принимать рѣшеніе въ любомъ положеніи. Конечно, эта способность можетъ быть и врожденной, но преимущественно она достигается упражненіями, какъ и въ *рѣшеніи* математическихъ задачъ. Но ясно, что, если рѣшеніе очевидно и единственно возможное, то окажется, что для данной задачи рѣшимость явится у всѣхъ въ одинаковой степени. Напримѣръ, если начальнику отряда будетъ доподлинно извѣстно, что передъ нимъ отступаетъ разбитый противникъ, въ меньшемъ числѣ, и что нигдѣ больше непріятеля нѣтъ, то врядъ ли нашелся бы начальникъ, который *не рѣшился* бы сразу преслѣдовать, а сталъ бы раздумывать, взвѣшивать, колебаться. Если впереди рѣка, а сзади тигръ и единственное спасеніе отъ тигра—прыжокъ въ рѣку, то рѣшимость у всѣхъ окажется одинаковой, и колеблющихся; нерѣшительныхъ—не окажется.

Наоборотъ, если бы на мѣсто Суворова или Скобелева, въ ихъ историческихъ положеніяхъ, поставить кого-нибудь другого, не совсемъ знакомаго съ психологической величиной элемента «неожиданности», то рѣшимости наступленія, пожалуй, не оказалось бы именно въ виду того, что въ борьбѣ мотивовъ восторжествовалъ бы другой мотивъ или же просто не знали бы—что предпочесть, чего хотѣть, что выбрать.

Всѣмъ извѣстенъ примѣръ главнокомандующаго, у котораго достаточно было и высокаго умственнаго развитія (замысла) и воли (для приведенія замысла въ исполненіе), но именно не было рѣшимости, не было правильныхъ рѣшеній при заданныхъ условіяхъ. Ему все казалось, что въ данномъ положеніи нѣтъ благоприятнаго, желательнаго выбора, нѣтъ надежнаго, вѣрнаго пути для побѣды. Онъ рѣшалъ задачу невѣрно, такъ какъ невѣрно оцѣнивалъ боевыя и въ особенности психологическія величины и положенія (Наполеонъ, Суворовъ, Скобелевъ прежде всего взвѣшивали психологическія величины). Оцѣни онъ вѣрно положеніе, вспомни онъ наставленіе: «если намъ плохо, то врагу еще можетъ быть хуже», развѣ отдавалъ бы онъ приказъ объ отступленіи?

⁵⁾ Разница между рѣшимостью и рѣшительностью та, что первымъ опредѣляется психическое состояніе, а вторымъ—качество характера.

Вообще, *рѣшеніе* есть побѣда одной мысли или вѣрнѣе — побужденія, хотѣнія, признаннаго за наиболѣе правильное надъ другими.

Отсюда ясно, что рѣшеніе есть работа ума. Воля начинаетъ дѣйствовать съ момента рѣшенія, т.-е. когда опредѣлится, какая мысль наиболѣе интенсивна; рѣшеніе какъ бы открываетъ шлюзъ сдерживаемаго потока.

И чѣмъ болѣе умъ изоцренъ въ правильности оцѣнокъ, взвѣшиванія мыслей, идей, тѣмъ правильнѣе и быстрѣе будетъ рѣшеніе, и человекъ, значитъ, окажется рѣшительнѣе. Съ другой стороны, чѣмъ меньше будетъ борьбы между собою у мыслей—побужденій, тѣмъ, опять-таки, рѣшеніе будетъ правильнѣе и быстрѣе. Такъ, если у главнокомандующаго только одна мысль, побужденіе—достиженіе успѣха или мыслей хотя нѣсколько, но всѣ онѣ кажутся для него маловажными, не имѣющими значенія, по сравненію съ этой главной, то его рѣшенія будутъ правильно направлены только для этого достиженія успѣха. Но разъ у него появляются другіе мотивы въ родѣ того, что этотъ планъ не мой, что «моему самолюбію обидно», или что нарушается какъ будто болѣе важное, чѣмъ побѣда, а именно — приказъ, чинопочитаніе, и потому могутъ не наградить, отдать подъ судъ или вообще могутъ не одобрить и т. п., то... начинается колебаніе, нерѣшительность ⁶⁾. У Суворова этой борьбы не было; онъ видѣлъ побѣду и этотъ мотивъ всегда бралъ верхъ надъ всѣми остальными, въ томъ числѣ и надъ мыслью о преданіи суду за ослушаніе ⁷⁾. И вообще Суворовъ—типичнѣйшій образчикъ рѣшимости, которую онъ называлъ *глазомъ-ромъ*, въ смыслѣ правильной оцѣнки умственнымъ глазомъ значенія того или другого мотива.

Онъ всегда задавалъ себѣ задачу и рѣшалъ её, причемъ старался опредѣлить всѣ величины, но на мѣстѣ, а не предварительно; поэтому до опредѣленія этихъ величинъ на мѣстѣ не предрѣшалъ ничего, показывая вмѣсто плана чистый листъ бумаги. Но разъ выяснялась обстановка, онъ поступалъ по принципу—«семь разъ примѣрь и одинъ разъ отрѣжь, взвѣшивая всѣ «мысли», хотя эта

⁶⁾ Въ этомъ и состоитъ вредъ самолюбій, славолубій, честолюбій, тщеславій и пр. въ военномъ дѣлѣ, что они создаютъ «*борьбу мотивовъ*» съ чувствомъ долга и любви къ отечеству и дѣлу, ведутъ къ колебаніямъ при выборѣ рѣшенія; а иногда къ рѣшенію, основанному на побѣдѣ мотива... игры самолюбій, какъ это часто повторялось въ исторіи почти всѣхъ войнъ.

⁷⁾ Сталовичи.

работа и не была замѣтна другимъ въ виду усовершенствованія его въ оцѣнкѣ «мотивовъ», т.-е. глазомѣра.

Какъ это поучительно для насъ, привыкшихъ въ мирное время слишкомъ предвзято придерживать плана маневра и требовать точнаго исполненія всего по порядку; привыкшихъ обрушиваться за малѣйшее отступленіе отъ этого порядка, а потому на войнѣ недоумѣвающихъ — кого же обвинить, кого наказать за то, что маневръ идетъ не въ «порядкѣ», и полагающихъ свое рѣшеніе не по обстановкѣ, а ища отступленія, для того, чтобы привести все въ «порядокъ» и опять отъ печки «начать на ново» и стройно выполнять свой предвзятый планъ-программу... Бываетъ, что нѣкоторые наивно сердятся на врага, не считающагося съ нашимъ уставомъ...

Въ мирное время, на маневрахъ, мы мало упражняемся въ самостоятельныхъ рѣшеніяхъ (рѣшимости). То, что мы называемъ рѣшеніемъ начальника отряда, въ сущности оказывается выраженіемъ (умѣніемъ отгадать) предвзятаго уже—самимъ условіемъ задачи—рѣшенія.

Вошедшее въ моду т. наз. *«руководительство»* маневрами, вмѣсто просто—*командованія*, мѣшаетъ иногда руководимымъ проявить *свое рѣшеніе* и располагаетъ предугадывать рѣшеніе руководителя. А потому при «рѣшеніи» боевой (маневренной) задачи оказывается борьба не мыслей (образовъ, ощущеній), не мотивовъ, *отгадокъ*.

Въ особенности опасно неправильное пониманіе рѣшительности, какъ способности не думая, не разсуждая—начинать дѣйствовать, какъ бы по вдохновенію находя правильное рѣшеніе. Понимающіе такъ оправдываются афоризмомъ—«лучше плохое рѣшеніе, чѣмъ никакого». Но афоризмъ этотъ очевидно говоритъ о пагубѣ именно невзвѣсиванія мыслей, мотивовъ; о колебаніи изъ за бездѣятельности ума, вслѣдствіе неумѣнія оцѣнить эти мотивы, что мѣшаетъ привести въ дѣйствіе хоть какую нибудь мысль.

А вообще высшая школа, высшая гимнастика для упражненія вслѣдъ своихъ душевныхъ силъ, состоитъ въ сознаніи своего «я»; сознаніи этихъ упражненій для воли, для ума, для рѣшительности, для чувства долга и пр.'

Если рядовой *сознаетъ* (пойметъ), что требованіе правильной стойки соображено въ видахъ его собственнаго здоровья (грудь впередъ, свободная стойка, голова не опущена—все для свободы дыханія), то это сознаніе или мысль перейдетъ въ фазу дѣйствія,

т.-е. станетъ его собственною волею и прибавитъ силу въ общемъ дѣйстви.

Если академистъ при изученіи предмета начнетъ сознать, что одновременно работаетъ не только его умъ, но и воля (вниманіе, побужденія къ дѣйствию, вообще работа), то онъ увидитъ въ этомъ и упражненія воли, слѣдовательно онъ увидитъ, что его квадратъ ума и воли увеличивается вмѣстѣ съ увеличеніемъ умственнаго развитія (одной стороны). Увеличивается накапливаемая энергія, вообще — сила души.

Тоже и при физической гимнастикѣ: сознаніе, что гимнастическія упражненія «произвольны», на основаніи торжества мысли о пользѣ, на основаніи хотѣнія, оказываются упражненіями и для собственной воли, что увеличиваетъ цѣнность этихъ упражненій, какъ упражненій для всей души (умъ при этомъ тоже работаетъ; рѣшеніе — тоже).

Главное — надо сознать, что всѣ стороны души нераздѣльны и что, приступая къ развитію только одной стороны души, мы какъ бы манкируемъ той работой другихъ сторонъ души, которая однако неизбежно сопутствуетъ первой. Поэтому надо приступать къ развитію души такъ, чтобы имѣть въ виду нераздѣльную работу всѣхъ сторонъ при любомъ упражненіи физическомъ или т. н. умственнымъ. Этимъ, слѣдовательно, надо руководиться при выборѣ упражненій.

Въ этомъ смыслѣ и нельзя отдѣлять «обученія» отъ воспитанія; развитія ума отъ развитія воли или отъ чувства долга, чувства любви къ Царю и отечеству, чувства вообще къ прекрасному и т. д. Не надо дробить силъ души и шлифовать только одну часть, рубцую сосѣднія, вмѣсто того, чтобы отдѣлывать все одновременно.

А. Дмитревскій.

